

ГОГОЛЬ И ТЕОРИЯ СЛАВЯНСКОГО ВСЕЕДИНСТВА ЯНА КОЛЛАРА

NIKOLAI GOGOL AND JAN KOLLAR'S THEORY OF SLAVIC UNITY

В статье дается сопоставительная оценка той роли, которую сыграли в судьбе своих языков и народов Н. Гоголь и Я. Коллар, писатели, чья слава вышла далеко за пределы славянского культурного пространства. Каждое новое поколение читателей находит для себя в их произведениях актуальные и важные смыслы. Гоголь показал миру жизнь России такой, какая она есть: ее смешные, печальные и драматические страницы. Его творчество оказало большое влияние на развитие русской литературы и культуры в целом.

Творчество, активная культурная и гражданская позиция Я. Коллара, при всем его неоднозначном отношении к словацкому литературному языку как явлению, отдельному от чешского литературного языка, и критическом отношении к языковым реформам Л. Штура, сыграли важную роль в определении новых подходов к решению вопроса о месте словаков в семье славянских народов и месте словацкого языка в группе славянских языков.

Вера этих писателей в силу художественного слова и сейчас помогает найти путь к нравственному возрождению славян.

Ключевые слова: Ян Коллар, Николай Васильевич Гоголь, просветитель, классик русской литературы, Малороссия, Великороссия, сотрудничество славянских народов, Людовит Штур, кодификация, словацкий литературный язык.

Jan Kollar and Nikolai Gogol – Slavic writers, their fame has gone far beyond the Russian or Slavic cultural space. Their books are interesting throughout life, every time they manage to find a new face, almost new content. Gogol opened Russia to the whole world, first of all its funny, sad, dramatic side. Gogol created the books that were genuine discovery in the artistic culture, had a great influence on the development of Russian literature and art in general.

Despite Kollar's negative attitude to the idea of Slovak literary language, separated from the Czech language and his sharp criticism of Štúr's language reform, his literary, cultural and patriotic activities helped Štúr's group to find a new way to solve the question of the place of Slovaks in the family of the Slavic people and the Slovak language in the group of Slavic languages.

Gogol and Kollar believed in the power of artistic expression that is likely to provide a path to moral revival of the Slavs in our days.

Keywords: Jan Kollar, Nikolai Gogol, educator, classic of Russian literature, Little Russia, Great Russia, cooperation of Slavic people, Ludovít Štúr, codification, Slovak literary language.

1852 год – памятная и очень печальная дата в истории литературы словацкого и русского народов. Словацкая литература потеряла в том году выдающегося сына словацкого народа, поэта и деятеля культуры Яна Коллара, одного из представителей европейского просветительско-гуманистического движения, которое уделяло особое внимание национальным отношениям,

¹ Заведующий кафедрой славянских языков, факультет гуманитарных наук, университет им. Матея Бела, г. Банска-Быстрица, Словакия.

проблеме равенства и равноправия народов. В том же году 21 февраля умер в своей последней квартире в доме Талызина в Москве Н.В. Гоголь – русский прозаик, драматург, поэт, критик, публицист, признанный одним из классиков русской литературы.

Ян Коллар – словак по национальности, писавший на чешском языке, одновременно внес вклад в развитие как чешской, так и словацкой литературы. Он сыграл большую роль в развитии важной для всей славянской поэзии

темы духовного единства, национальном самоутверждении и взаимной помощи. Самый плодотворный период его жизни пришелся на годы жизни в многонациональном Пеште; жизненный путь писателя завершился, когда он был профессором Венского университета. Коллар, как представитель небольшого словацкого народа, жил под двойным национальным гнетом – австрийским и венгерским. Ему не так просто было выразить свое национальное самоощущение и надежды на будущее славянских народов. Обращаясь к потомкам, Коллар писал:

Не судите нас по тому, что и как мы написать сумели,

А судите о нас по тому, что и как мы посмели писать [5, s. 361].

Коллар, учившийся в Иене уже после смерти Гердера, немецкого философа, воспринял многие его идеи. Гейне писал: «Гердер рассматривал человечество как великую арфу в руках мастера, каждый народ казался ему посвоему настроенной струной этой арфы, и он понимал универсальную гармонию ее звуков» [1, с. 211]. Для угнетенных славянских (а также венгерского и румынского) народов эта мысль оказалась источником сил для борьбы за национальное возрождение. Коллар, без сомнения, под непосредственным влиянием трудов Гердера, написал свое наставление “Dobré Wlastnosti Národu Slowanského” (1822), которое подвигло Павла Йозефа Шафарика (Pavol Jozef Šafárik), словацкого и чешского слависта, поэта, деятеля национального возрождения к написанию «Истории славянского языка и литературы всех наречий» (1826). Впоследствии творчество Коллара и Шафарика оказало влияние на философские и литературные взгляды Яна Голлого и Людовита Штура. Ян Голлый был первым крупным словацким поэтом, писавшим на родном языке и доказавшим его литературные возможности. Его поэтическое творчество связано с традициями Античности и отмечено чертами классицизма.

Существенный вклад в соби́рание славянской народной поэзии внес и Коллар. В народных песнях он видел «картины, в коих каждый народ вернее всего живописует и представляет свой характер, они история его внутреннего мира и его жизни» [5, s. 352]. Коллар глубоко понимал значение народной поэзии как источника становления национально-самобытной литературы и культуры. Он называл народные песни «ключами от святыни национальности» [5, s. 217]. На протяжении всей жизни Коллар и Гоголь собирали произведения народной

поэзии и увлекали своей деятельностью других. У Коллара эта деятельность увенчалась изданием Сборника словацких песен в двух томах, содержащего две с половиной тысячи текстов. Как собиратель произведений народного творчества, Коллар стоит в одном ряду с такими исследователями славянского фольклора, как Чулков и братья Киреевские в России, А.М. Максимович на Украине, Ф.Л. Челаковский и К.Я. Эрбен в Чехии, О. Кольберг в Польше, Станко Врас в Словении, братья Миладиновы в Болгарии и другие. Собрание словацких песен Коллара имело неопределимое значение для развития словацкой литературы и поэзии, ее жанрово-стилевых форм и словацкого литературного языка в целом.

Более тысячи песен (сначала – украинских, а потом – и русских) удалось собрать Н.В. Гоголю. Он любил послушать народные песни, а при хорошем расположении духа – спеть, пускаясь иногда в пляс. Свои взгляды на украинский песенный фольклор Гоголь изложил в статье 1833 года «О малороссийских песнях», которую поместил в «Арабесках». Эти песни составляли основу духовности Гоголя. Они, по Гоголю, – живая история украинского народа. «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок истины, обнажающая всю жизнь народа», – писал он. «Песни для Малороссии – всё: и поэзия, и история, и отцовская могила...» «Моя радость, жизнь моя! песни! Как я вас люблю!» – писал Гоголь Максимовичу в ноябре 1833 года. «Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, перед этими звонкими, живыми летописями!... Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные. Они дают все по новой черте в мою историю, все разоблачают яснее и яснее, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедших людей...» [Гоголь, 1940, т. X, с. 284]. «Любовь Гоголя к своему народу, – писал президент Всемирного совета мира Фредерик Жолио-Кюри, – привела его к великим идеям человеческого братства» [4, с. 31].

Неизменным осталось это увлечение Гоголя и в последний период его жизни, когда он поселился в Москве. Ведь народная песня в жизни Гоголя – это стихия, в которую он погружался полностью, чувствуя ее целительную силу для своей сверхтонкой души.

В 30-е годы XIX века Коллар выступил с практической программой культурного сотрудничества славянских народов, опубликовав сочинение «О литературном взаимодействии

между различными племенами и наречиями славянского народа» (1836), которое вскоре было переведено на немецкий, сербский, хорватский и русский языки. Речь шла именно о культурном, духовном, нравственном, но не политическом сплочении. Тем не менее, как показывают словацкие исследователи творчества Коллара, влияние концепции Коллара имело и политический аспект, она «стала частью словацкого, чешского и иллирийского сопротивления гнету» [8].

Следует добавить, что романтические представления Коллара о славянах как едином народе, в состав которого входят различные племена, не помешало Коллару признать за этими племенами право на индивидуальность. «Каждое наречие должно черпать из другого новую жизненную силу для собственного омоложения, обогащения и образования, но при этом не посягать на других и не допускать посягательства по отношению к себе, так что все племена и наречия неизменно остаются на своем собственном незабываемом месте» [6, с. 111].

Мы уверены, что эти задачи остались для славянских народов актуальными и в наше время, после разрушения культурных связей и ослабления обмена культурными ценностями, наступившими после 1989 г. Большие трудности, которые существуют в последнее время в сфере взаимодействия и взаимообмена в области научных исследований, вновь заставляют нас вспомнить программу Коллара.

Многие из предложений Коллара были реализованы на практике еще при его жизни. Его программа нашла широкий отклик в славянских странах – у южных славян, в частности – у деятелей иллирийского движения, центром которого стала Хорватия, в России, на Украине. Т.Г. Шевченко хорошо знал идеи Коллара и продолжателя его концепции Шафарика, имена которых он упоминает в своих стихотворениях. С Колларом лично были связаны некоторые слависты, основатели славистики и кафедр славяноведения в восточнославянских странах: О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, В.И. Григорович, М.Н. Погодин и др. О личных связях Н.В. Гоголя с Колларом, о том, что Гоголь пытался помочь собрату по перу, находившемуся в трудном положении, свидетельствует письмо Гоголя из Рима М.П. Погодину от 5 мая 1839 г. «Ничего я до сих пор не сделал для Коллара», – сожалеет Гоголь [Гоголь, 1940, т. XI, с. 224].

Перед нами попытка задуматься: каково значение Украины и украинской культуры в

творчестве Гоголя и как он понимал соотношения украинской и русской культурных традиций внутри великого имперского монолита?

Он жил в государстве, в состав которого входили Великороссия, Малороссия, Белоруссия, Польша. Как известно, Гоголь родился и вырос на Полтавщине. Украинский язык и украинская литература питали его восприимчивую душу своими живительными токами. Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский – отец писателя – был украинский драматург, он писал пьесы и по-русски – в классическом стиле. Гоголь-отец известен узкому кругу специалистов, Гоголя-сына знает весь мир. Дома в семействе Гоголей-Яновских говорили по-украински. Но письма родным, маменьке Гоголь с детства писал по-русски. Уже в Нежинском лицее он стремился войти в большой русский мир, мечтал о Петербурге. Гоголь превосходно, в деталях и подробностях знал украинскую жизнь, а русскую же действительность ему еще предстояло осваивать, набираться опыта. И он написал свои блистательные «Вечера на хуторе близ Диканьки»...

Подобно Гоголю, Коллар очень тяжело переживал межславянские распри, в частности – русско-польский конфликт. Страстной мечтой о единстве славян объяснялось и отрицательное отношение Коллара к программе кодификации словацкого литературного языка, которую разработали Людовит Штур и его соратники. Деятельность Людовита Штура и его сторонников из лагеря словацких протестантов существенным образом осложнила языковую ситуацию в стране. В результате этой деятельности в общественно-культурную жизнь Словакии вошел новый вариант литературного словацкого языка – «штуровщина». В своих лингвистических трудах «Словацкое наречие или необходимость писать на этом наречии» и «Наука о словацком языке» Штур доказывал необходимость нового словацкого литературного языка как показателя национальной самобытности словаков, как наиболее эффективного средства просвещения родного народа и сближения с ним патриотической интеллигенции, а также предлагал научно обоснованную систему кодификации норм этого литературного языка. В 1845 г. Штуру удалось начать издание первой газеты на словацком языке “Slovenskje národňje noviny” с литературным приложением “Orol Tatránski”.

Гоголь в беседе с О.М. Бодянским и Г.П. Данилевским о значении языка спокойно утверждал: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и

упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня – язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгутеров» [Данилевский, 1933, с. 98].

Сегодня трудно понять Коллара, который, с одной стороны, так восхищался словацкими песнями, ставя красоту и благозвучность словацкой речи выше чешской, а с другой стороны, категорически отверг штуровскую реформу, предпринимал всяческие усилия, чтобы убедить словацких писателей отказаться писать на родном языке. Коллар считал, что штуровское нововведение ведет к разрыву чехословацкого «племени». Не учитывая глубоких изменений в словацком национально-возрожденческом движении 1840-х годов (расширение его социальной базы, рост национального самосознания словацкой интеллигенции, активизация борьбы словаков за свои социальные и национальные права, нарастание угрозы мадьяризации), он настойчиво выступал за сохранение чешского литературного языка, считая его «золотой цепью», связывающей чехов и словаков. Нет нужды доказывать также ненаучность представлений Коллара о славянах как едином народе, признания им только «четырех» славянских «главных» наречий (чехословацкого, т.е. чешского, польского, русского и сербского). В рамках единого славянского народа Штур, правда, находил уже не четыре, а одиннадцать «племен» (великороссы, малороссы, болгары, сербы, хорваты, словенцы, поляки, чехи, словаки, верхние лужичане, нижние лужичане), считая, что они все имеют право на самостоятельное культурное развитие, а это предполагает развитие их языков и литератур. Штур сформировал свой главный аргумент – тезис о национальной самобытности словаков и самостоятельности их языка. Штуровцы не ожидали столь негативной реакции со стороны Коллара, который пользовался среди молодых протестантов – инициаторов языковой реформы – огромным уважением и авторитетом и которого они называли «великим нашим духом», «самой славной личностью нации» и т.п. Штур подчеркивал, что «всю свою жизнь он трудился над духовным развитием словаков» [Štúr, 1943, s. 72] и продолжал «... Мы считаем Вас переходом ...к нашему чистому словацкому языку. Вы сами нам указали на словацкий язык, когда с поля чешского наречия перебежали на свое» [9, s. 10].

Гоголь, в свою очередь, был уверен, что

без любви к своей семье, к своей школе, к своему городу, к своей родине не может быть любви ко всему человечеству. Он энергично раздвигает свои горизонты, шагая из хутора в уездный городок Миргород (цикл повестей «Миргород»), из Миргорода – в Петербург («Петербургские повести»), из Петербурга – в Европу, в прекрасный Рим, а оттуда снова возвращается в Россию. По сравнению с Колларом, перед Гоголем не стояла проблема о том, кем себя ощущать и на каком языке писать. Близкая приятельница Гоголя, известная А.О. Смирнова-Россет, вынудила его как-то задуматься об этом. В ответ на ее письмо Гоголь размышляет: «На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве» [Гоголь, 1940, т. XII, с. 418–419]. Вот каким видел Гоголь союз Украины и России – как нечто гармоничное и совершенное, прекраснейшее в мире.

Почему же именно русский язык Гоголь считал главным и высшим для славян? Ответ находим в его письме к К.С. Аксакову от 29 ноября 1842 года, где он призывает Константина Сергеевича начать углубленное изучение русского языка: «Пред вами громада – русский язык! Наслажденье глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его, в которых, как в великолепном создании мира, отразился Предвечный Отец и на котором должна загреметь вселенная хвалой Ему». [Гоголь, 1940, т. XII, с. 125–126]. Недаром в «Мертвых душах» Гоголь говорит о том, что русское слово «кипит» и «животрепещет», в нем жизнетворческая мощь, исходящая от престола Божества. Нам представляется, что само соотношение названий – Малороссия и Великороссия – определяет и значение их в жизни Гоголя: малая родина и великая общая для всех родина – Россия. Еще в 1836 году Гоголь пишет В.А. Жуковскому из Гамбурга: «...мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать

России» [Гоголь, 1940, т. XI, с. 49]. В 1837 году писатель исповедует М.П. Погодину: «...или я не люблю нашей неизмеримой, нашей родной русской земли!» [Гоголь, 1940, т. XI, с. 92].

В то же время Гоголь горячо любит и свою родную Украину, но – в таком домашнем плане, этнографически-бытовом смысле; любовь к малой родине у Гоголя земная, она ограничена миром земных радостей, утешений и представлений... Было время, когда Гоголь желал поселиться в Киеве, древнейшей русской столице. В декабре 1833 года он писал своему приятелю Михаилу А. Максимовичу из Петербурга: «Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли в нем, за новости и проч. Представь, я тоже думал. Туда, туда! В Киев! В древний, в прекрасный Киев! Он наш, он не их, не правда? Там или вокруг него деялись дела старины нашей» [Гоголь, 1940, т. X, с. 288].

Известно, что Гоголь очень любил и Москву. «Москва – моя родина», – писал он Сергею Тимофеевичу Аксакову в 1841 году. Будучи в Киеве, Гоголь говорил Федору Чижову: «Кто сильно вжился в жизнь римскую, тому после Рима только Москва и может нравиться». По убеждению, вынесенному Иваном Золотаревым из совместной жизни с Гоголем в Риме, «Гоголь был чисто русский человек, а не малоросс, каким его желают представить... писатель горячо любил именно Россию, а не Малороссию только. Любимую литературу его была литература русская... наиболее излюбленными... писателями были Жуковский и Пушкин» (Исторический вестник. – 1893. – № 1. – С. 38). Работа над «Мертвыми душами» открыла для Гоголя не только пространства России, но и ее духовность. Осенью 1850 года он писал Александру Скарлатовичу Стурдзе из Васильевки: «Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять России. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия все мне становится ближе и ближе. Кроме свойства родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине небесной» [Гоголь, 1940, т. XIV, с. 203–204].

Гоголь был твердо убежден, что пока в народе жива вера, будет жив и сам народ. Как писал русский историк Николай Тальберг, «малороссийский народ был в огромной массе своей с Гоголем, а не с теми отщепенцами, которые, подобно сыну Тарасову – Андрию, отреклись от тысячелетней России». По мере углубления духовно-религиозных поисков Гоголь все более и более прикипает к Русской

земле. Одно время он, например, был страстно увлечен Италией, Римом, которые он называл «рай», «душенька моя Италия», «родина». Он любил Италию за чудесную красоту «див природы» и «див искусства». Однако это была чисто эстетическая любовь – любование. Она не насыщала в полной мере душу Гоголя, поэтому в Риме он и пишет свою знаменитую поэму о России – духовной скиталице – «Мертвые души». Самая жгучая и сильная его любовь – к России.

Любовь к России становится мерилем духовной зрелости писателя, свидетельствует о направлении и напряженности его духовного поиска. Таков путь Гоголя: от малой родины к родине великой, всеохватной и от нее – к родине Небесной. Потому-то он представлял себе Россию как храм, как монастырь: «Монастырь ваш – Россия» [Гоголь, 1940, т. VIII, с. 301]. А монастырь, по выражению одного подвижника благочестия, – это станция на пути от земли к Небу. Такой небесной станцией, такой землей, возводящей на Небо, и стала для писателя Россия – Русь.

В проповеди «Добрые качества народа славянского» (1822 г.) Коллар, подобно Гоголю, перечисляет самые характерные черты славян, которые свойственны только им – набожность, трудолюбие, невинная веселость, терпимость и т.п. Он тяжело переживает тот факт, что численность чехов и словаков по сравнению с немецким народом невелика, что невысок процент словацкого населения в Венгрии. Противовес этому Коллар искал в единении всех славян, включая Россию. Считая славян единым народом, только говорящим на разных наречиях, он мог писать не только о нравственном и духовном, но и количественном величии славянства, предсказать ему большое светлое будущее.

Ян Коллар и Николай Васильевич Гоголь – славянские писатели, их слава вышла далеко за пределы русского, или славянского, культурного пространства. Их книги интересны всем, каждое новое поколение находит в них новые грани, новые, актуальные для себя смыслы. Жизнь обоих писателей проходила в напряженной работе, в углубленном внутреннем анализе своих поступков и мыслей. Дело писателей было неразрывно слито с общественной, воспитательной ролью искусства. Н.В. Гоголь открыл миру «всю Русь», прежде всего – её смешные, печальные, драматические стороны, но не только эти, а и героические, пророчески сказав о её прекрасном будущем. Гоголь создал книги, которые явились подлинным открытием

в художественной культуре, оказали большое влияние на развитие русской литературы и искусства вообще. Несмотря на отрицательное отношение Коллара к идее создания словацкого литературного языка, отдельного от чешского, и резкую критику им шутовской языковой реформы, его литературная и культурно-патриотическая деятельность помогла шутовцам по-новому решать вопрос о месте словаков в семье славянских народов и словацкого языка в кругу славянских языков. В этом смысле Коллара можно по праву считать одним из предшественников Штура. Даже некоторые шутовцы – главные оппоненты Коллара (М.М. Годжа, А. Сладкович) – называли его «зачинателем» или «отцом» словацкого языка, который в сложном процессе формирования словацкого литературного языка сыграл важную стимулирующую роль.

Художественное слово Гоголя воспринимается сегодня как пророческое. Гоголь не просто писатель, но человек исключительной, трагической судьбы, мыслитель и пророк, стоявший на пороге подлинной разгадки исторических судеб России, в судьбе которого так или иначе отразилась судьба литературы и общественной мысли того времени. Гоголь и Коллар верили в силу художественного слова, способного указать путь к нравственному возрождению славян и в наши дни.

Литература

1. Гейне Г. Собрание сочинений. – Москва,

1936. – Т. VII.

2. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); гл. ред. Н.Л. Мещеряков; ред.: В.В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В.А. Десницкий, В.Я. Кирпотин, Н.Л. Мещеряков, Н.К. Пиксанов, Б.М. Эйхенбаум. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952.

3. Данилевский Г.П. Знакомство с Гоголем // Сочинения Г.П. Данилевского. – Изд. 9-е – 1902. – Т. XIV. – С. 92–100. – Цит. по: Вересаев В.В. Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников : с илл. на отдельных листах. – М.– Л. : Academia, 1933.

4. Фетисов М.И. Мировое величие Гоголя (К итогам научных сессий, посвященных 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя) // Вестник АН СССР. – 1952–53. – № 3.

5. Kollár, J. Básně. Československý spisovatel. – Praha, 1952. – 511 s.

6. Kollár, J. O literárnej vzájomnosti. – Vydavateľstvo SAV. – Bratislava, 1954. – 226 s.

7. Kollár, J. Prózy. Slovenský Tatran. Zlatý fond slovenskej literatúry; zv. 79. – Bratislava, 2001. – 557 s.

8. Rosenbaum, K. Funkcia medziliterárnosti v slovenskej literatúre národného obrodzenia. In. Ďurišin a kol. Osobité medziliterárne spoločenstvá. 5. Slovanské literatúry. – Bratislava, 1993. – 111 s.

9. Štúr, L. Nárečie slovenské, alebo, Potreba písania v tomto nárečí. – Turčiansky sv. Martin. Kompas, 1943. – 419 s.